

М. Горький

Сомов и другие

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г71

Г71 **Горький М.**
Сомов и другие / М. Горький – М.: Книга по Требованию, 2021. – 50 с.

ISBN 978-5-4241-2746-5

Один из самых популярных авторов рубежа XIX и XX веков, прославившийся изображением романтизированного деклассированного персонажа («босняка»), автор произведений с революционной тенденцией, лично близкий социал-демократам, находившийся в оппозиции царскому режиму, Горький быстро получил мировую известность.

ISBN 978-5-4241-2746-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М. Горький, 2021

Горький Максим
Сомов и другие

А.М.Горький
Сомов и другие
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

С о м о в.

А н н а - его мать.

Л и д и я - его жена.

Я р о п е г о в.

Б о г о м о л о в.

И з о т о в.

Д у н я ш а - горничная.

Ф ё к л а - кухарка.

Т р о е р у к о в.

Л и с о г о н о в.

С и л а н т ь е в.

Т и т о в а.

А р с е н ь е в а - учительница.

Д р о з д о в.

Т е р е н ь е в.

Л ю д м и л а.

К р ы ж о в.

К и т а е в.

С е м и к о в.

М и ш а.

С о м о в - инженер, лет 40, говорит суховато; под его сдержанностью чувствуется сильное нервное напряжение, в сценах с матерью - резок и даже груб, в сцене с женой, обнаруживая своё честолюбие, откровенен не потому, что говорит искренно, а потому, что проверяет себя.

А н н а - его мать, - лет 60, женщина бодрая, хороших "манер".

Л и д и я - лет 27, ленивые движения, певучий голос, жить ей одиноко и скучно; Арсеньева оживляет воспоминания юности её, и потому она тянется к ней.

Я р о п е г о в - лет 40-42, - школьный товарищ Сомова, человек, которого Лидия объясняет правильно.

Б о г о м о л о в - лет 60, - обижен, обозлён.

И з о т о в - лет 55, - картёжник, любит поест, выпить.

Т р о е р у к о в - неудавшийся авантюрист, человек, способный на всё из мести за свои неудачи.

Т и т о в а - лет 45, - толстая, пошлая, неглупая.

А р с е н ь е в а - лет 30, - человек, увлечённый своим делом.

Т е р е н ь е в - лет 35, - рабочий, директор завода, добродушен.

Д р о з д о в - лет 30, - красив, суров, недоверчив.

К и т а е в - лет 30.

К р ы ж о в - за 60 лет.

С е м и к о в - лет 25-23, - вялый парень.

М и ш а - лет 20.

Д у н я ш а - тоже.

Л ю д м и л а - 18-20 лет.

Фёкла - за 60 лет.
Лисогонов - тоже.
Силантьев - лет 45.

ПЕРВЫЙ АКТ

Новенькая, деревянная дача. Терраса; у стола - Анна Сомова, в капоте, пенсэ; читает газету; пред нею - кофейный прибор.

Дуняша. Спекулянт масло принёс.

Анна. Во-первых: надо говорить - частник, а не спекулянт.

Дуняша. Мы так привыкли.

Анна. Спекулянт - обидное слово, обижать людей - дурная привычка. Вот-вторых: где Фёкла?

Дуняша. Ушла куриц покупать, что ли...

Анна. Пусть Силантьев подождёт.

Дуняша. Он денег хочет.

Анна. Просит, а не - хочет.

Дуняша. Не хотел бы, так не просил.

Анна. Вы говорите много лишнего. Пусть придёт сюда. - (Сердито, через газету смотрит вслед Дуняше. Отшвырнув газету, подходит к перилам террасы. На лестнице Силантьев, мужик лет 45.) Здравствуйте, Силантьев!

Силантьев. Доброго здоровья, Анна Николавна.

Анна. Ну, что у вас, как - дочь?

Силантьев. Плохо.

Анна. Не помогает доктор?

Силантьев. Нет. Да ведь какой она доктор, извините...

Анна. Что ж она говорит?

Силантьев. Да ведь что ей говорить? Она не её, она - меня всё лечит. Не так, видишь ты, думаю я, не её мыслями. Я ей говорю: "Ты - брюхо лечи, а не душу, душу лечить - дело не твоё! Ты, говорю, себе душу-то полечи".

Анна. Очень жаль, что Маша захворала, я так привыкла к ней.

Силантьев. Новая-то у вас бойка больно.

Анна. Да, вот до чего дожили мы, Силантьев!

Силантьев. Не говори! Дышать нечем. Комсомол этот, Мишка: "На Кавказ, говорит, надобно Марью-то". Это - в старину солдат на Кавказ посылали, а она девка.

(Сомов вышел, стоит у стола, разбирая газеты, прислушивается.)

Силантьев. Учит меня: "Ты, говорит, богатый, а для дочери денег жалеешь".

Анна. Они - завистливы на чужое богатство.

Силантьев. Ну да! Понимают, что человек без денег - как птица без крыльев...

Анна. А всё, что у нас отняли, - промотали...

Сомов. Надо бы кофе...

Анна. Ах, ты здесь? Позвони...

Сомов. Не действует звонок. Вы уж сами...

Анна. Идите в кухню, Силантьев, я там расплачусь с вами.

Силантьев. Дрова тут возил я вам. Да за двух зайцев...

[Силантьев уходит.]

А н н а. Хорошо, хорошо! (Подходит к двери, звонит.) Звонок действует.

С о м о в. Не одобряю я эти твои беседы.

А н н а. Ах, вот почему не звонит звонок! Ты что хочешь, чтоб я онемела, когда все кругом возмущены?

С о м о в. А ты организуешь возмущение, да?

А н н а. Мне кажется - с матерью не следовало бы говорить иронически! И даже не поздоровался.

С о м о в. Прости. Но твои "беседы с народом", вроде этого торгаша, Лисогонова и...

А н н а. Ты считаешь глупыми? Нет, уж ты разреши мне это! Ты живёшь с умниками, а я привыкла жить с глупыми, но честными...

С о м о в. Я должен сказать, что мне особенно не нравится этот, хотя и полумный, но подозрительный учитель пения...

А н н а. Он - учитель истории, а пению учит по нужде. Ты ведь знаешь, что теперь в России истории нет...

С о м о в. Послушай, мама...

[Входит Яропегов.]

Я р о п е г о в. Бонжур (добрый день (франц.) - Ред.), мадам! Николай, у тебя в спальне мухи есть?

С о м о в. Есть.

Я р о п е г о в. Советую: бей мух головной щёткой!

С о м о в. Нелепая у тебя привычка начинать день глупостями!

Я р о п е г о в. Это - не глупости, а ценное открытие. Я вчера, ложась спать, перебил щёткой несколько десятков мух. Кстати - об открытиях: Иваненко сообщает, что открыл богатейшие залежи полиметаллической руды. Везёт советской власти!

А н н а. А - кто везёт? Это - вы, вы везёте! Страшно подумать, что вы делаете... (Возмущена почти до слёз, уходит, говоря.) Только и слышишь: там открыли, тут нашли... Ужас!

Я р о п е г о в. Боевое настроение мамы всё повышается...

С о м о в. Здесь это ещё более неуместно, чем в городе.

Я р о п е г о в. Ты хотел весной отправить её и Лидию за границу?

С о м о в. Неудобно было хлопотать.

(Дуняша вносит кофе.)

Я р о п е г о в. Как спали, Дуня?

Д у н я ш а. Лёжа, Виктор Павлович.

Я р о п е г о в. А что во сне видели?

Д у н я ш а. Ничего не видала, я сплю закрыв глаза.

Я р о п е г о в. Bravo!

[Дуняша уходит.]

С о м о в. Дерзкая девчонка.

Я р о п е г о в. Очень милая курочка!

С о м о в. Я смотрю на неё не с точки зрения петуха.

Я р о п е г о в. Ты что сердисься? Не выпался?

С о м о в. Вчера Терентьев наговорил мне комплиментов, с этим, знаешь, чугунным его простодушием. И кончил так: "Замечательный, говорит, вы работник, товарищ Сомов, люблюсь вами и думаю: скоро ли у нас свои такие будут?"

Я р о п е г о в. Ну, и - что ж? Чувствует, что мы не товарищи, а или гуси или свиньи.

С о м о в. Ты всё шутишь, Виктор, грубо и неумно шутишь. Смазываешь себя жиром шуточек, должно быть, для того, чтоб оскорбительная пошлость жизни скользила по твоей коже, не задевая души.

Я р о п е г о в. Какой язык!

С о м о в. И забываешь о том, что нам необходимо полное доверие с их стороны.

Я р о п е г о в. Я склонен думать, что пользуюсь таковым.

С о м о в. Ты! Доверие необходимо нам всем, а - не единице! Против нас - масса, и не надо закрывать глаза на то, что её классовое чутьё растёт. Ты читаешь им что-то такое, ведёшь беседы по истории техники, что ли... они принимают это как должное...

Я р о п е г о в (смеётся). Они лезут ко мне в душу, точно в карман, где лежат их деньги. Говоря правду - мне это нравится.

С о м о в. То есть тебя это забавляет, но ты ошибаешься, думая, что они относятся к тебе лучше, более доверчиво, чем ко мне, Богомолу.

[Входит Фёкла.]

Ф ё к л а. Николай Васильич...

С о м о в. Что вам нужно?

Ф ё к л а. Анна Николаевна спрашивает: придёт к завтраку кто-нибудь?

С о м о в. Да. Двое.

Ф ё к л а. А что готовить?

С о м о в. Ну... Всё равно!

Я р о п е г о в. Что у вас есть?

Ф ё к л а. Курочка есть хорошая.

Я р о п е г о в. Опять курочка! Побойтесь бога...

Ф ё к л а. Нет уж, покорно благодарю, боялась, да перестала! Телятина есть.

Я р о п е г о в. Фёкла Петровна, - неужто бога-то не боитесь?

Ф ё к л а. Нет, Виктор Павлыч, весёлый человек, не боюсь! Я - старушка неверующая, мне бог столько судьбы-жизни испортил, -- вспомнить горестно! Так чего же готовить? Мозги есть.

Я р о п е г о в. Мозгов у нас своих избыток.

Ф ё к л а. А - не хватает завтрак заказать.

С о м о в. Послушайте, идите к жене...

Ф ё к л а. Почивает ещё.

С о м о в. Ну... Вы мешаете нам!

Ф ё к л а. Так я - ушла. А опоздает завтрак, уж не моя вина. [Уходит.]

С о м о в (раздражён). Удивляюсь, как ты можешь болтать с этой дурой!

Я р о п е г о в. Это, брат, замечательная старуха! Жизнь её - сплошная драма, но она рассказывает её в юмористическом тоне!

С о м о в. Ах, пошли ты её к чёрту!

Я р о п е г о в. Нет, ты попробуй, вообрази драму в юмористическом тоне...

С о м о в. Послушай, ты нарочно дразнишь меня?

Я р о п е г о в. Тебя вот оцарапало простодушие Терентьева, и ты уже готов! Воспринимаешь жизнь трагически.

С о м о в. Брось болтать чепуху, Виктор.

Я р о п е г о в. У тебя, брат, кислая дворянская закваска, а у меня: дед - дьякон, отец - унтер-офицер...

С о м о в. Ах, не говори пошлостей...

Я р о п е г о в. Ну, брат, классовая заквасочка - не подлость, это ты бухнул зря!

(Пауза.)

С о м о в. Геологи чересчур много открывают. Рентабельность этих открытий весьма сомнительна. Протасов сравнивает геологов с девицами, которые, торопясь выйти замуж, слишком декольтируются.

Я р о п е г о в. То есть хотят угодить властям? Я слышал, что последний доклад его - насквозь антисоветская пропаганда.

С о м о в. Чепуха! Просто он - как всегда - грубовато говорил...

Я р о п е г о в. Вообще у вас тут атмосферочка ядовитая. Это - что? Воздействие шахтинского процесса?

С о м о в. Ядовитости - не замечаю, а "самокритика" сильно растёт. Ну, разумеется, и шахтинское дело нельзя забыть. Кроме того, разлад в Кремле...

Я р о п е г о в. Возбуждает надежды?

С о м о в. Говорит о том, что товарищи трезвеют.

Я р о п е г о в. Гм? Так ли? По-моему, лучшие из них - неизлечимые алкоголики от идеологии. Идеологии у них - девяносто процентов.

А р с е н ь е в а (входит на лестницу). Лидия Борисовна дома?

С о м о в. Да. У себя. Пожалуйста...

Я р о п е г о в. Это - что?

С о м о в. Учительница, подруга жены по гимназии.

Я р о п е г о в. Какая... гм! Партийка?

С о м о в. Не знаю, не знаю! Слушай, Виктор, к завтраку придет Богомолов...

Я р о п е г о в. Настраиваюсь благоговейно.

С о м о в. Он, вероятно, начнет говорить о фабрике Лисогонова, о её восстановлении, расширении и так далее. Я - решительно против этого. Не вижу смысла реставрировать и обогащать мелкие предприятия туземцев. Ты знаешь мою точку зрения: ориентация на европейца, на мощность... Советская власть должна вернуться к концессиям, иначе...

Я р о п е г о в (закуривая). И так далее. В общем - гениально.

С о м о в. У Богомолова - личные причины, какая-то старая связь, даже, кажется, родство с Лисогоновым. (Гудок автомобиля.) О, чёрт! Кто это?

Я р о п е г о в. Терентьев. И этот, новый, его заместитель.

С о м о в. Не очень приятная фигура.

Я р о п е г о в. Интересный парень, кажется.

[Входят Терентьев и Дроздов.]

Т е р е н ь е в. Почтение строителям!

(Дроздов молча пожимает руки.)

С о м о в. Добрый день, Иван Иванович...

Т е р е н ь е в. День - хорош, да вот из Москвы - нагоняй нам. Читали?

С о м о в. Нет. Где?

Т е р е н ь е в. А - вот!

Я р о п е г о в (Дроздову). Курите?

Д р о з д о в. Спасибо.

Я р о п е г о в. Охотник?

Д р о з д о в. Балуюсь. А - как вы догадались?

Я р о п е г о в. Видел вас в лесу с ружьём.

Д р о з д о в. Ага! (Отходит в дальний угол террасы.)

С о м о в. Ну, это пустяки!

Т е р е н т ь е в (вздыхая). Самокритика, конечно...

С о м о в. Да, загибают...

(Лидия, Арсеньева - выходят из комнаты.)

Л и д и я. Может быть, ты позовёшь товарищей к себе?

С о м о в. Да. Пожалуйста, Иван Иванович.

Т е р е н т ь е в (пристально и удивлённо смотрит на Арсеньеву, зовёт). Борис - идём!

(Трое ушли. Яропегов остался, сидит на перилах.)

Л и д и я (звонит). Да, очень скучно! .В городе все недовольны, живут надув губы, ворчат, сплетничают на партийцев, рассказывают старые московские анекдоты.

А р с е н ь е в а. Город затхлый.

Л и д и я. И ни одной шляпы к лицу нельзя найти.

А р с е н ь е в а. А ты сама сделай.

Я р о п е г о в. Зато - легко потерять лицо.

Л и д и я. Вы зачем тут подслушиваете? Знакомьтесь: Виктор Павлович Яропегов, Екатерина Ивановна Арсеньева.

Я р о п е г о в. Весьма рад!

Л и д и я. Я - не умею делать шляп. И вообще ничего не делаю.

Я р о п е г о в. Это - лучше всего гарантирует от ошибок.

Л и д и я. Жалкая ирония. Вот вы, инженеры, делаете и всё ошибаетесь, и вся ваша деятельность - ошибка.

Я р о п е г о в. Совершенно так же думает Анна Николаевна. С её политико-эстетической точки зрения в сельском пейзаже церковь гораздо уместнее, чем фабрика.

(Дуняша - в дверях.)

Л и д и я. Кофе, Дуняша, кофе! И хлеба. Вы ужасно медленно спешите на звонки.

Д у н я ш а. Наверху была. [Уходит.]

Я р о п е г о в. Вы, я слышал, учительница?

А р с е н ь е в а. Да.

Я р о п е г о в. Совершенно не похожи.

А р с е н ь е в а. Это - порицание или комплимент?

Я р о п е г о в. Комплименты говорить вам я не решаюсь, да и времени для этого много требуется.

А р с е н ь е в а. Мне приятно, что вы дорожите временем.

Л и д и я. Ты, Катя, осторожнее с ним, он отчаянный ухажёр, как теперь говорят.

(Дуняша приносит кофе.)

С о м о в (кричит). Виктор!

Я р о п е г о в. Пардон (извините (франц.) - Ред.) [Уходит.]

А р с е н ь е в а. Кто это?

Л и д и я. Приятель мужа, был женат на сестре его, овдовел. Очень талантливый, забавный, пьяница, немножко - шут, нахал и бабник. Вот, если хочешь замуж...

А р с е н ь е в а. Нет, спасибо! После такой характеристики расхотелось.

Л и д и я (смеётся). Ты удовлетворена жизнью?

А р с е н ь е в а. Нет, конечно. Я даже и не представляю, как можно быть удовлетворённой в наше время.

Л и д и я (подумав). Это ты сказала что-то серьёзное, я не понимаю!

А р с е н ь е в а. Очень просто понять. Людей, для которых жизнь была легка и приятна, - не может удовлетворить то, что она разрушается, а те, кто разрушает, - не удовлетворены, что разрушается она не так быстро, как хотелось бы.

Л и д и я. Вот какая ты стала... философа! И тебе искренне хочется, чтоб старая жизнь скорее разрушилась?

А р с е н ь е в а. Да.

Л и д и я. Как просто! Да, и - всё! Но ведь ты сказала, что не партийка?

А р с е н ь е в а. Я сочувствую работе партии.

Л и д и я (вздыхнув). Ты была такая... независимая! Не понимаю, как можно сочувствовать, когда все против партии.

А р с е н ь е в а. Все, кроме лучших рабочих. И ведь вот муж твой и его друг...

Л и д и я. Ну-у, муж!.. Он скрепя сердце, как говорится...

А р с е н ь е в а. Разве?

Л и д и я. А Яропегов, он, знаешь, едва ли вообще способен чувствовать, сочувствовать. Он такой, знаешь... пустой! Вот он - независим. Сочувствовать - значит, уже немножко любить кого-то, а любовь и независимость не соединяются, нет!

А р с е н ь е в а. Ты замени кого-то чём-то.

Л и д и я. Не понимаю! И - вообще - что случилось? Фабрики всегда строили.

А р с е н ь е в а. Строили, да - не те люди и не для того, для чего теперь строят. Вот тебе нравится независимость, но она будет возможна для одного только тогда, когда все будут независимы.

Л и д и я. Это и называется - утопия? Кстати: ты купалась?

А р с е н ь е в а. Да.

Л и д и я. Удивительно ты говоришь - да! Вот идёт Миша.

М и ш а. А, чёрт...

Л и д и я. Он всегда ругается.

М и ш а. Всегда не всегда.

Л и д и я. Надо сказать: здравствуйте, а он говорит: чёрт!

М и ш а. Китайские церемонии! А у вас тут гвозди торчат, взяли бы молоток да забили.

Л и д и я. Не хочу забивать гвозди! Садитесь, кофе дам.

М и ш а. Не хочу. Товарищ Арсеньева...

Л и д и я. Знаешь, товарищ Арсеньева, Миша влюблён в меня.

М и ш а. Я? В вас? Ну, уж это - дудочки! Вы даже и не нравитесь мне.

Л и д и я. Серьёзно?

М и ш а. Ну, конечно!

Л и д и я. Я очень рада, если так.

М и ш а. Да уж так! А радоваться - нечему. И - неправда, что вы рады. Интеллигенты любят нравиться, всё равно кому...

Л и д и я. Вы успокоили меня, Миша!

М и ш а. Успокоил? Эх вы... Чем это я вас успокоил? И вовсе вы ничем не беспокоились. Мешаете только...

Л и д и я. Я - молчу.

А р с е н ь е в а. Вы, Миша, не в духе?

М и ш а. Да что же, товарищ Арсеньева!.. Бюрократ этот, Дроздов, доски для эстрады запретил брать на стройке, как же мы расширим эстраду? Китаев разрешил, а он - нельзя! Тоска! И тоже всё шуточки шутит, как будто интеллигент какой-нибудь.

А р с е н ь е в а. Дроздов - здесь, я поговорю с ним.

Л и д и я. Пейте кофе, Миша!

М и ш а. Ладно. То есть - спасибо! И потом к занавесу надобно два полотнища пришить, а он говорит -это пустяки! Флаги истрёпанные, и мало флагов... И, говорит, вы должны действовать самообложением, а - каким чёртом мы самообложимся?

Л и д и я. Ох, Миша...

М и ш а (успокоительно). Ну, ничего! Вы сама тоже, поди-ка, здорово ругаетесь, это и по лицу видно. Без этого - не проживёшь... Мы и так за месяц утильсырья сдали на сорок семь рублей да на укреплении плотины заработали семьдесят три, так ведь на ремонт избы-читальни да по ликбезу...

(Терентьев, Дроздов, Сомов.)

Т е р е н ь е в. Значит - так: вы едете на фабрику, я побегу взглянуть, что делают на стройке.

А р с е н ь е в а. Можно вас на пару слов?

Д р о з д о в. Всегда готов! (Идут, Миша за ними.)

С о м о в. Хотите кофе, Иван Иванович?

Т е р е н ь е в (глядя вслед уходящим). С удовольствием. С удовольствием.

С о м о в. До свидания. (Ушёл.)

Т е р е н ь е в. Погода-то, Лидия Петровна, а? Отличная погода!

Л и д и я. Очень хорошая погода.

Т е р е н ь е в. Именно! Это... эта женщина - кто такая?

Л и д и я. Учительница в Селищах, подруга моя.

Т е р е н ь е в. Та-ак. Что же это я её не видал раньше?

Л и д и я. Да она здесь только с осени и недавно воротилась из Москвы...

Т е р е н ь е в. А вы... давно знаете её?

Л и д и я. В гимназии учились вместе.

Т е р е н ь е в. В каком городе?

Л и д и я. В Курске.

Т е р е н ь е в. Ага! Вот оно что!

Л и д и я. Что это вас обрадовало?

Т е р е н ь е в. Тут... случай такой! Черносотенный городок! Я был в нём при белых.